

Тин Шуан сильно вспотел, пока пинал мяч, его ботинки, ноги и шорты были покрыты пылью. Больше он ничего не осознавал, только счастье и победа. Он просто хотел броситься к зрителям на трибунах после того, как разделил групповое объятие со своими товарищами по команде — точно так же, как другие мальчики, играющие в футбол.

Остальные юноши побежали к своим подружкам. Они вытирали пот, пили воду и хвастались перед девушками своими успехами. Тин Шуан тоже вытер пот и выпил воды, радостно повторяя их тактику перед Баем Чан И.

Бай Чан И улыбнулся и долго слушал, прежде чем сказать:

- Они уходят и ждут тебя.

Тин Шуан обернулся и увидел других парней и их подруг, стоящих под трибунами. Он улыбнулся и помахал им рукой, громко прощаясь.

Затем он повернулся, поцеловал Бая Чан И и спросил:

- Каково это — сидеть среди группы старшеклассниц и смотреть, как твой парень играет в футбол?

Бай Чан И был счастлив подпитывать тщеславие Тин Шуана:

- Они все завидовали мне. Мой парень самый красивый.

Тин Шуан притворился расстроенным:

- Эти ребята, играющие в футбол, тоже завидовали мне. Это слишком раздражает.

Они посмотрели друг на друга, рассмеялись, а затем обменялись долгим поцелуем на пустых трибунах.

Ветер гулял по траве, обдувая их волосы и одежду.

- Тебе холодно? - спросил Бай Чан И, - Ты весь вспотел. Я захватил тебе рубашку с длинным рукавом. Иди и переоденься.

Тин Шуан кивнул и переоделся перед отъездом.

Уличные фонари горели ярко, но небо еще не совсем потемнело. Вдали виднелись слоистые облака. Переливаясь золотом, розовым, пурпурно-серым и темно-синим они простирались от

горизонта до зенита.

В стереосистеме заиграла песня «Love Is Reason».

- Что мы будем делать дальше? - Тин Шуан двигался в ритме песни, ему было очень комфортно.

- Как ты и сказал, плыть по морям, скакать по волнам и сражаться с акулами, - когда Бай Чан И сказал это, его тон звучал словно «Найди ресторан, где можно поесть, а потом иди домой и спи».

После предыдущего безумия Тин Шуан не особенно удивился, когда услышал это:

- Хорошо, куда мне ехать?

- По дороге на север, - Бай Чан И указал на шоссе, - В Любек.

Тин Шуан взглянул на карту:

- Боже, неужели мы собираемся пересечь половину Германии до самого Балтийского моря? Сколько времени это займет?

Бай Чан И сказал:

- Мы можем добраться туда к 2 часам ночи. У проката автомобилей есть сеть магазинов. Завтра утром мы вернем машину в Любеке и вернемся самолетом. Твой сын все еще ждет тебя дома.

- Тебе это знакомо? - с любопытством спросил Тин Шуан, - Ты делал это раньше?

- Больше десяти лет назад, - сказал Бай Чан И, - Сначала заедь на заправку.

Тин Шуан припарковал машину на заправочной станции, купил воду и много еды в круглосуточном магазине и перекусил, пока Бай Чан И наполнял бензобак.

- Ты был особенно крут больше десяти лет назад? - Тин Шуан сидел на капоте машины и представлял себе, - Просто карта, машина, красивая девушка и кусочек европейского континента. Весь мир твой, и все мальчишки завидуют тебе. Типа такого?

Бай Чан И улыбнулся:

- На самом деле, где бы я ни был, половину времени я работал.

Тин Шуан заинтересовался:

- Эй, а что за работу ты выполнял?

- Защищал черепах, разговаривал с пожилыми людьми, помогал людям ремонтировать дома и красить стены, был моделью для студентов-искусствоведов.... - Бай Чан И закончил заправлять бензобак, - Готово, можно ехать.

- Был моделью? - Тин Шуан сел в машину и с большим интересом спросил, - Из тех, что позируют без одежды?

- Веди, - Бай Чан И смотрел вперед, ничего не выражая.

- Ой-ой... Я поведу, я поведу, - Тин Шуан взглянул на Бай Чан И, и уголки его губ неудержимо приподнялись.

Вечерний ветер размыл краски на юго-западе. Машина двигалась на север, пересекая горы и реки, проезжая мимо городов и полей, устремляясь в безмолвное звездное небо. По обеим сторонам дороги лежали разбросанные маленькие городки, их огни усеивали холмы и равнины. Золотой флюгер на крыше церкви медленно вращался в лунном свете.

Бай Чан И убавил громкость стереосистемы. По мере того как барабанный ритм вокруг них становился все тише, пение вдалеке постепенно становилось все громче.

- Там кто-то поет? - Тин Шуан посмотрел в сторону музыки, но не смог разглядеть, что именно там происходит. Ему просто казалось, что в этом городе огни ярче, чем в других, через которые они проезжали. В темноте горели огни, и там была шумная толпа.

- Хочешь взглянуть? - Бай Чан И выключил стерео, и музыка вдалеке стала отчетливее. Звучали человеческие голоса, гитары, клавишные, трубы и барабаны.

- Конечно, - Тин Шуан притормозил, обращая внимание на дорожные знаки и высматривая дорогу, по которой можно было бы свернуть в город, - Может быть, если нам повезет, они действительно позволят мне сыграть на гитаре и спеть.

Бай Чан И улыбнулся и продолжил вторую половину предложения:

- И ты бы заставил десятки тысяч людей сходить с ума.

- Нет, - Тин Шуан повернул на небольшую двухполосную дорогу, - Я передумал. Я просто хочу, чтобы ты сходил по мне с ума.

Следуя за музыкой, они нашли пивной бар, устроенный в саду на холме. Гигантские деревья покрывали площадку, словно туман или облака. Бесчисленные звезды и огни смешались вместе, соединяясь от одного ствола дерева к другому. Люди сидели за деревянными столами под деревьями, держа в руках литровые расписные стеклянные кружки с пивом, ели барбекю, пили и болтали. В углу сада была установлена сцена, на которой группа играла «Great Freedom».

Тин Шуан пошел купить две бутылки ледяной содовой и нашел свободный столик, чтобы сесть.

- Похоже, кто-то просит песню, - Тин Шуан вытянул голову и некоторое время смотрел туда, - Я тоже хочу попросить об этом, но не уверен, знают ли они ее.

- Разве ты не хотел сам играть и петь? - сказал Бай Чан И, - Просто одолжи гитару.

- Мм... Я сам могу играть и петь... Но... - Тин Шуан внезапно осознал реальную проблему, - Я могу играть только одну песню... Теперь я не буду говорить, какую именно...

Бай Чан И улыбнулся:

- Мм, я знаю ее.

Вокруг них продолжали раздаваться радостные возгласы и смех, но после слов Бая Чан И за столом воцарилась тишина.

Тин Шуан посмотрел на Бая Чан И под золотыми огнями. У него не было ни седых волос, ни морщин, но они все равно были разными. Разница в двенадцать лет касалась не только внешности.

То, что он переживал сейчас, Бай Чан И уже испытал. Золотые тридцать шесть лет Бая Чан И были вершиной горы, до которой он не знал, как добраться. Его обычные двадцать четыре года были молодостью, к которой Бай Чан И никогда не сможет вернуться.

Двадцать четыре и тридцать шесть были, конечно, золотым временем.

Но...

А когда ему исполнится сорок восемь?

Он думал о вечности, думал о ста годах, но сейчас, как ни странно, не осмеливался думать о сорока восьми годах, которых он наверняка достигнет.

Двенадцать лет.

Их время текло по-разному.

- Почему ты так на меня смотришь? - спросил Бай Чан И.

Тин Шуан помолчал несколько секунд:

- Нет причин, я просто хочу смотреть на тебя вот так, - закончив говорить, он залпом выпил содовую, отчего его внутренние органы почувствовали легкую боль.

- Ты все еще собираешься петь? - глаза Бая Чан И были полны снисходительности, - Ты можешь просто спеть единственную песню, которую знаешь.

Они не могли оставаться здесь очень долго, иначе доберутся до Любека слишком поздно. Тин Шуан долго смотрел в глаза Бая Чан И:

- Тогда ты поведешь, хорошо?

Бай Чан И улыбнулся:

- Конечно.

- Подожди меня, - Тин Шуан побежал и купил большой стакан пива. Запрокинув голову, он все выпил.

Окружающие голоса внезапно стихли. Окружающий пейзаж тоже стал размытым. Тин Шуан поставил стеклянную кружку, расхрабрившись, выбежал на сцену и спросил у исполнителей, не может ли он одолжить гитару и микрофон.

- Я хочу спеть песню, - его щеки слегка покраснели, а глаза увлажнились из-за жара в груди, - Я могу исполнить только одну песню.

Группа сошла со сцены, и прожектор опустился.

Тин Шуан сидел в одиночестве посреди сцены с гитарой в руках, издали глядя на Бая Чан И, как будто в мире остались только они вдвоем.

Он не очень хорошо играл на гитаре, только перебирал пальцами несколько простых аккордов. У него не было большого литературного таланта, его губы были плотно сжаты, и это было всего лишь несколько посредственных слов, которые даже нельзя было назвать лирикой.

«Летом 2019 года

Я поехал на север

Через горы и реки

В сторону моря

К твоим тридцати шести годам

Ах...

Время не течет одинаково

Время не течет одинаково

Летом 2019 года

Ты ехал на север

Ехал сквозь сумерки

Ехал навстречу восходу солнца

К моим двадцати четырем годам

Ах...

Время не течет одинаково

Время не течет одинаково»

Две дорожки слез потекли из глаз Тин Шуана вдоль линии челюсти, падая на гитару.

Его слезы сияли ярче прожектора.

Бай Чан И встал и удивленно уставился на Тин Шуана. Тин Шуан небрежно вытер лицо и сменил аккорды.

«Летом 2019 года

Я не видел тебя двадцать четыре года.

Летом 2019 года

Я не смел думать о тридцати шести годах.

Я только осмелился ехать на север

Не ради гор и рек

Не ради моря

Не ради сумерек

Не ради восхода солнца

К твоим двадцать четырем годам

Я поехал на север

Увидеть твои двадцать четыре года

Я поехал на север»

<http://bllate.org/book/13603/1206283>